

*Научная статья**Научная специальность**5.1.4 «Уголовно-правовые науки»*

УДК 343.9

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2026.3.81>

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ ТИПОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ МОЛОДЕЖНОГО ТЕЧЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ «АУЕ»¹

© Кузнецов Ф. А., 2026

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются основные из ныне существующих подходов к определению социально-ролевой типологии участников молодежного течения экстремистской направленности «АУЕ» («Арестантское уголовное единство»). Актуальность исследования обоснована рядом факторов, среди которых слабая степень изученности предмета исследования, отсутствие единого подхода к пониманию сущности и правовой природы международного общественного течения экстремистской направленности «АУЕ», а также значительные различия в идеологии и организации ячеек течения в разных регионах России. В связи с этим на основе предлагаемых исследователями криминологических характеристик предлагается концептуальный и унифицированный метод криминологической характеристики личностей участников течения «АУЕ». Исследуется опыт как Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, так и западной части России на основе исследований, научных работ, материалов судебной и следственной практики. Предполагается, что концептуальный подход, предлагаемый автором, позволит в значительной степени оптимизировать и повысить эффективность механизмов профилактики и предупреждения преступлений, связанных с деятельностью экстремистского течения «АУЕ».

Ключевые слова: противодействие экстремизму, молодежный экстремизм, преступления против общественной безопасности, экстремизм, «АУЕ», организованная преступность.

SOME QUESTIONS OF THE SOCIO-ROLE TYPOLOGY OF THE PARTICIPANTS OF THE EXTREMIST YOUTH MOVEMENT “AUE”²

© Kuznetsov F. A., 2026

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

The article examines the main existing approaches to determining the socio-role typology of participants in the extremist youth movement “AUE”. The relevance of the study is due to a number of factors, including the low degree of study of the subject of the study, the lack of a unified approach to understanding the essence and legal nature of the international extremist social movement “AUE”, as well as significant differences in the ideology and organization of cells of the movement in different regions of Russia. In this regard, based on the criminological characteristics proposed by the researchers, the author proposes a conceptual and unified method of criminological characterization of the personalities of the participants in the AUE movement. The article examines the experience of both the Siberian and Far Eastern Federal districts, as well as the western part of Russia, based on research, scientific papers, materials of judicial and investigative practice. It is assumed that the conceptual approach proposed by the author will significantly optimize and increase the effectiveness of mechanisms for the prevention and prevention of crimes related to the activities of the extremist movement “AUE”.

Keywords: countering extremism, youth extremism, crimes against public safety, extremism, “AUE”, organized crime.

Начало третьей декады XXI в. ознаменовалось бурным развитием информационных технологий и внедрением их во все сферы общественной жизни. Помимо прочего, социальные сети и интернет в последние годы фундаментально интегрировались в жизнь об-

щества, а их влияние на социальное, правовое и политическое развитие приобрело институциональный характер.

Всеобъемлющее распространение и интеграция информационных технологий значительно ускоряют темпы социальной мобильности, что неизбежно сказывается как на прогрессивной социально-правовой динамике, так и на деструктивных аспектах общественной жизни.

¹ Международная организация, признанная в России экстремистской.

² An international organization recognized as extremist in Russia.

Преступность как неотъемлемая часть общественной жизни, являющаяся, помимо прочего, элементом органической целостности общества и присущей ему динамики, также подвержена постоянным изменениям. В частности, анализ актуального состояния преступности в молодежной среде демонстрирует явное снижение доли собственно корыстных составов преступлений, таких как кража (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162 УК РФ)¹. При этом в последние годы фиксируется значительное увеличение доли преступлений, детерминированных именно интеграцией информационных технологий в общественную жизнь.

Преступления экстремистской направленности в высокой степени подвержены детерминации, вызванной распространением и интеграцией в социальную жизнь информационных технологий. Помимо того, что в последние годы киберпространство само по себе все чаще является местом совершения преступления, применительно к преступлениям экстремистской направленности, интернет зачастую становится одним из инструментов распространения делинквентной идеологии, а также вербовки граждан для участия в экстремистских организациях.

Участие, финансирование, а также распространение идеологии молодежного общественного течения экстремистской направленности «АУЕ» является одной из наиболее распространенных форм подростковых и молодежных девиаций, в особенности на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Одной из значимых характеристик данной формы преступной деятельности, равно как и экстремизма в целом, является широкое использование информационных технологий для распространения преступной идеологии, вовлечения граждан в совершение преступлений, что создает принципиально новые вызовы для органов правопорядка.

Вместе с тем деятельность упомянутого движения по настоящее время отличается слабой степенью изученности, а также достаточно низкой развитостью механизмов правоприменения и профилактики связанных с его деятельностью преступлений. Сложившаяся тенденция, прежде всего, обусловлена с высокой латентностью преступлений, связанных с деятельностью те-

чения «АУЕ», а также фактической нехваткой эмпирической базы для проведения научных исследований.

Ввиду того что принципы научности и опосредованности носят фундаментальный характер в сфере противодействия экстремистской деятельности, разработка концептуальных механизмов борьбы с ней приобретает особую актуальность.

При повышении эффективности правоохранительной деятельности необходимо опираться на развитие научных знаний о психологии преступного поведения. И здесь, прежде всего, базовой категорией является личность, так как она позволяет раскрыть качества человека, виновного в совершении общественно опасного деяния, куда входят особенности его психики, влияющие на путь его исправления и формирующие его [7, с. 112].

Одной из наиболее важных проблем в криминологии является значимость исследований сущности преступника и его личностных характеристик. Это обусловлено тем, что преступление как свершившийся юридический факт и преступник всегда взаимосвязаны между собой и являются составными частями самого феномена преступности, возникающего в обществе. Отсюда личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех научных воззрений, связанных с науками криминального цикла и соответственно криминологии.

Помимо прочего, говоря о деятельности молодежного течения «АУЕ», прежде всего, как о групповой поведенческой девиации, обладающей специфической идеологией, следует отметить и особый характер формирования социально-ролевой иерархии в рамках как отдельных ячеек, так и течения в целом.

Проведенный анализ научных источников и судебной практики позволяет выявить ключевые характеристики организации и функционирования социально-ролевой структуры экстремистского течения «АУЕ». Так, базисными элементами организационно-практической деятельности течения являются:

- стратификация и иерархическая организация;
- механизм формирования лидерства;
- функционал и методы управления лидера;
- информационное сопровождение и коммуникация.

Рассматривая вопрос стратификации и иерархической организации экстремистского течения «АУЕ», следует отметить, что наиболее

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=le23ihcecgq609035276 (дата обращения: 17.03.2026).

действенной и распространенной структурной единицей являются многочисленные ячейки, формирующиеся, как правило, по территориальному принципу. Стратификация вовлекаемых в преступную деятельность элементов зачастую происходит по признакам проживания в одном населенном пункте, районе города, а также по факту совместного обучения в учреждениях школьного, профессионального, а, в ряде случаев, и высшего образования. Собственно иерархическая структура таких ячеек, как правило, представлена четкой властно-полномочной вертикалью, формирующейся по принципу возраста, объема преступного опыта, а также обусловлена харизматическими чертами лиц, выполняющих лидерские функции на различных уровнях. Однако, несмотря на широкий круг стратифицирующих факторов, наиболее значимым из них все же является возрастной.

Анализ опыта различных регионов России в целом подтверждает преобладание стратификации и иерархическую организацию по возрастному принципу. Например, в преступном сообществе «Вырыпаевские» выделялись ячейки по следующим возрастным категориям: 11–14 лет («шелуха»), 14–18 лет, 17–22 («молодые»), 22–26 («средние») и далее¹.

Писатель Р. Н. Гараев, в рамках документального исследования «Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х», основываясь на личном опыте, также отмечал возрастную иерархическую организацию казанских молодежных преступных группировок. Так, для указанных группировок было характерно использование таких понятий, как «скорлупа» (до 16 лет), «супера» (16–18 лет), «старшие» (18 и более лет) [3].

Казанские преступные группировки, хоть и не обладали вербальной символикой течения «АУЕ», но в сущности занимались полностью аналогичной формой преступной деятельности.

Если говорить о группировках, действующих на территории Иркутской области, то выделяется следующая личностно-возрастная классификация: «молодые» («молодежь», «шпана», до 18 лет), «старшие» (18 и более лет), «люди» (совершеннолетние члены группировок, имеющие опыт привлечения к уголовной ответственности).

Деятельность экстремистской организации «АУЕ» обладает и особым механизмом формирования и легитимации лидеров. Так, лидер (предводитель) выдвигается из состава собственной возрастной ячейки. Объем его властных полномочий также ограничен пределами конкретной ячейки.

Занятие лидерской позиции требует обязательной санкции со стороны высших иерархов «АУЕ», однако в ряде случаев один из членов ячейки может сместить текущего лидера самостоятельно, что зачастую также признается вышестоящими элементами.

Вместе с тем, несмотря на ритуализацию легитимации, характерную для назначения лиц на высшую ступень преступной иерархии, выдвижение лидеров в молодежных группировках, как правило, не предполагает символической процедуры [5, с. 52].

После утверждения лидер возрастной ячейки наделяется широким спектром полномочий, включая распорядительные, нормативные, судебные и карательные функции. Его ключевой задачей становится внедрение и поддержание криминальной идеологии в своей группе. Кадровую основу ячеек составляют асоциально настроенные подростки и молодежь, посредством управления которыми лидер формирует лояльную себе внутреннюю структуру, ориентированную на обслуживание интересов вышестоящего криминального иерарха.

Присваиваемый лидеру ячейки статус демонстрирует региональную вариативность в ареале влияния субкультуры «АУЕ». Тем не менее релевантная научная литература и следственная практика позволяют унифицировать терминологию, опираясь на общую модель преступной иерархии.

Индивид, уполномоченный осуществлять полный спектр управленческих функций, определяется термином «положенец». Если же его компетенции редуцированы (к примеру, исключительно до администрирования финансов «общака»), применяется номен «смотрящий». Однако в ряде регионов России термины «смотрящий» и «положенец» имеют одинаковое значение.

П. В. Агапов и С. В. Кондратюк отмечают, что при трансляции ячейки в следующую возрастную страту ее руководитель не наследует свой прежний статус, а проходит этап верификации, включающий дополнительные испытания и процедуру санкционирования со стороны высших иерархических структур «АУЕ». Ре-

¹ «Вырыпаевский» задержанный из запрещенной в России «АУЕ» рассказал о произошедшем // Главные новости Ульяновска : сайт. URL: <https://mosaica.ru/ru/ul/news/2021/04/30/vyrupaevskii-zaderzhannyi-iz-zapreshchennoi-v-rossii-aue-rasskazal-o-proizoshedshe> (дата обращения: 17.03.2026).

зюмируя, можно констатировать, что в рамках каждой возрастной группы данной преступной организации реализуется механизм селекции претендентов на статусные позиции, основанный на критериях, легитимизированных нормами криминальной субкультуры [2, с. 213].

Значительную роль в консолидации власти и распространении влияния статусного лидера играют современные средства массовой коммуникации [8, с 70]. Мониторинг специализированных социальных платформ «АУЕ» показывает, что они используются:

- для официального оповещения о начале деятельности нового лидера;
- рассылки обязательных для исполнения предписаний рядовым участникам;
- публикации призывов о сборе средств в так называемый общак.

Таким образом, информационное сопровождение интронизации нового предводителя, направленное на оповещение широкого круга заинтересованных лиц, можно определить в качестве элемента типичного способа совершения преступной деятельности в рамках данной организации.

Рассматривая вопросы анализа индивидуальных личностных качеств, присущих членам экстремистского течения «АУЕ», всецело влияющих на формирование социально-ролевой иерархии в его структурных подразделениях, необходимо выделить ряд основных типологий, предлагаемых исследователями:

- по уровню вовлеченности и статусу (А. А. Абдулманов, Д. В. Деулин, А. Б. Конопкин) [1, с. 51];
- по психологическому профилю и ролевым функциям (И. Б. Казак) [4, с. 8].

Типология, основанная на уровне вовлеченности и статусе, предполагает дифференциацию субъектов в зависимости от степени их участия в деятельности группировки, а также степени интеграции преступной идеологии в их сознание.

Прежде всего исследователи выделяют собственно «идеологов», представляющих собой, как правило, совершеннолетних, ранее судимых лиц, а реже и харизматичных подростков. Их функции: вербовка, поддержание идеологии, разрешение конфликтов, контроль за сбором «общака», поддержание связи с криминальным миром.

Во-вторых, «активисты», подростки, выполняющие пропагандистские функции в классе, школе, дворе, училище. Они организуют «сход-

ки», собирают «дань», вербуют новичков, вершат «суд» над нарушителями. Наиболее активная и видимая часть организации.

Низшим звеном в соответствии с данной типологией являются так называемые конформисты. Это подростки, которые подчиняются правилам «АУЕ» из страха стать изгоем, а равно не допустить становление жертвой преступлений. Они могут испытывать внутренний дискомфорт и нежелание принимать участие в преступной деятельности, но давление делинквентного окружения группы и страх быть подвергнутым насилию заставляют их соблюдать «понятия», платить в «общак», участвовать в травле и вымогании денег с жертв.

Справедливым, с точки зрения виктимологической природы такой преступности, представляется решение исследователей о включении в иерархию жертв таких преступлений. В частности, исследователи отмечают, что, несмотря на отсутствие активного участия в деятельности преступных группировок, жертвы все же существуют внутри девиантной системы [1, с. 54].

Помимо прочего, выделение жертв таких преступлений в качестве системного элемента позволяет раскрыть важнейшую мотивационно-пропагандистскую функцию, выполняемую именно жертвами. В частности, жертвы, существуя в рамках преступной системы, подвергаясь насилию и травле, являются живым примером последствий неподчинения и невыполнения требований, выдвигаемых членами преступных группировок.

В зависимости от психологического профиля и ролевых функций И. Б. Казак склонен выделять «бойцов», «информаторов», «смотрящих» и «спонсоров» [Там же, с. 9].

Как отмечает исследователь, «боец» – это физически развитый подросток, обладающий низким уровнем интеллекта, а также морально-правовой культуры. Его основная функция состоит в реализации целей и задач группировок посредством применения грубой силы.

Информатор, в свою очередь, обладает более развитым интеллектом, но при этом искаженной либо вовсе отсутствующей системой морально-нравственных ориентиров. В круг полномочий такого субъекта входит как вербовка новых членов, так и представление интересов группировки в конфликтах с конкурентами. Однако, несмотря на развитые дипломатические и коммуникационные навыки, авторитет таких субъектов ограничен, что значительно сужает их преступную компетенцию.

Практический функционал «смотрящих» в целом аналогичен «информаторам», однако ключевое отличие состоит именно в обладании авторитетом, которое влечет за собой расширение полномочий, а также наделяет некоторых субъектов властно-управленческими функциями.

«Спонсор», в свою очередь, участвует в деятельности организации преимущественно через материальную поддержку – регулярные выплаты в «общак». Несмотря на явную схожесть с жертвами таких преступлений, «спонсор» все же осознает себя членом организации, активно пользуется ее ресурсами, а его статус признается другими участниками группировок.

На основе анализа судебно-психологических и психиатрических экспертиз, материалов уголовных дел, а также социологических исследований автором настоящей статьи предпринята попытка построения комплексной типологии личностей, осужденных за участие в деятельности «АУЕ», а также привлеченных к административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, совершенные под влиянием идеологии течения.

На основе интеграции мотивационных, ценностных, поведенческих и социально-демографических характеристик можно выделить пять основных типов личности:

1. Тип «Идеологический лидер» («вдохновитель / криминальный идеолог»):

1) личностный портрет: данный тип представляет наименьшую по численности, но наибольшую по степени общественной опасности группу. Как правило, это лица в возрасте 35–60 лет, имеющие опыт реального отбывания наказания в местах лишения свободы, где они глубоко интегрировались в криминальную среду и усвоили «воровские традиции». Они обладают высоким уровнем социального интеллекта, харизмой, развитыми ораторскими способностями и склонностью к манипуляции;

2) мотивация: ведущей мотивацией является стремление к власти, контролю и влиянию. Для них идеология «АУЕ» – не слепая вера, а инструмент для установления власти и извлечения материальных выгод («общак»). Они осознанно мифологизируют и адаптируют «понятия» для потребностей вербовки и управления;

3) роль в структуре: разработка и трансляция идеологии, стратегическое руководство, разрешение внутренних конфликтов, поддержание иерархии. Часто формально могут не занимать высших постов, оставаясь «серыми кардиналами»;

4) криминально-психологические черты: ярко выраженный макиавеллизм, нарциссические черты личности, отсутствие эмпатии, расчетливость. Е. Н. Рядчикова и Е. А. Белан отмечают, что в рамках судебной экспертизы часто диагностируются расстройства личности (психопатии) диссоциального или нарциссического типа [6, с. 69].

2. Тип «Активный вербовщик» («пропагандист-активист»):

1) личностный портрет: это, как правило, молодые люди в возрасте 18–30 лет, которые могут не иметь опыта отбывания наказания в местах лишения свободы, но являются носителями субкультурных норм «АУЕ». Они гиперкомпенсаторно активны, агрессивны, ориентированы на статус внутри группы. Часто имеют проблемы с самоидентификацией и находят ее в принадлежности к «элите» девиантного сообщества;

2) мотивация: мотивация носит комплексный характер: стремление к признанию и уважению («понтовитость»), материальная выгода (процент с «общака»), садистические наклонности (удовольствие от унижения и контроля над другими);

3) роль в структуре: непосредственная вербовка новых членов в школах и иных образовательных организациях через социальные сети; сбор «дани» («общака»); пропаганда идеологии среди сверстников; организация акций запугивания и насилия;

4) криминально-психологические черты: импульсивность, высокая агрессивность, ригидность мышления, внешне обвиняющая позиция. Могут наблюдаться признаки эмоционально-неустойчивого расстройства личности.

Так, в судебном решении по делу о вымогательствах в учебных заведениях Республики Калмыкия фигурировал П., 1998 г. р. Будучи студентом колледжа, он активно вербовал учащихся, создавал чаты в мессенджерах, где распространял материалы с символикой «АУЕ», устанавливал размеры «дани» и угрозами заставлял перечислять деньги. Его мотивация была связана со стремлением к доминированию и получением материальной выгоды от собранных средств¹.

3. Тип «Рядовой адепт-конформист» («истинный верующий»):

1) личностный портрет: наиболее массовый тип. Подростки и молодежь 14–22 лет из неблагополучных или социально нестабильных се-

¹ Уголовное дело № 1-30/2022. Приговор от 30 марта 2022 г. // Архив Яшкульского районного суда Республики Калмыкия.

мей. Характеризуются низкой самооценкой, социальной незрелостью, неуверенностью в себе и будущем. Имеют пробелы в воспитании, слабую волю, подвержены групповому влиянию;

2) мотивация: ведущая мотивация – поиск группы принадлежности, защищенности, четких правил и простых ответов на сложные жизненные вопросы. Для них «АУЕ» становится квазирелигией, предлагающей иллюзорное «братство» и «справедливость». Они искренне верят в романтизированный миф о «воровской чести»;

3) роль в структуре: исполнители, «масса». Распространяют символику, соблюдают ритуалы, платят в «общак», оказывают психологическое давление на несогласных, но редко иницируют серьезные преступления самостоятельно;

4) криминально-психологические черты: конформность, ведомость, инфантилизм, не критичность мышления. В структуре личности преобладают черты зависимости и избегания.

В одном из дел, рассмотренных Усть-Вымским районным судом Республики Коми, группа несовершеннолетних (16–17 лет) была осуждена за систематические поборы с одноклассников. Один из них, К., 2005 г. р., из семьи с низким доходом был охарактеризован как «ведомый». В ходе суда было установлено, что он искренне верил в идеи «воровского братства», носил соответствующую символику, но не был инициатором насилия. Судебно-психологическая экспертиза показала его высокую конформность, инфантилизм и зависимость от группового мнения¹.

4. Тип «Маргинальный приспособленец» («оппортунист»):

1) личностный портрет: лица разного возраста (чаще 20–35 лет) с уже сформировавшимися криминальными установками. Их связь с «АУЕ» не идеологическая, а сугубо прагматическая. Они видят в организации инструмент для решения собственных проблем: защиты в исправительном учреждении, прикрытия для мелкого рэкета, доступа к ресурсам;

2) мотивация: утилитарная, инструментальная. Выгода, безопасность, решение сиюминутных проблем. Идеология для них – пустой звук, они легко могут ее имитировать ради достижения целей;

3) роль в структуре: в зависимости от обстоятельств могут быть исполнителями, посредниками, информаторами. Не отличаются ло-

альностью, при первой возможности покидают группу или предадут ее;

4) криминально-психологические черты: цинизм, прагматизм, приспособленчество, лживость. Характерны для лиц с диссоциальным расстройством личности, но без фанатизма.

Так, в материалах уголовного дела фигурировал гражданин З., 1989 г. р., имевший судимости за кражи. Примыкая к группировке, проповедовавшей идеи «АУЕ», он использовал ее имя для запугивания мелких предпринимателей с целью получения «дани». При задержании он показал, что «не вникал в их идеи», а видел в этом простой способ заработка².

5. Тип «Жертва группового давления» («вынужденный участник»):

1) личностный портрет: чаще всего несовершеннолетние из благополучных, но невнимательных к проблемам ребенка семей либо, наоборот, из семей, где имеет место гиперопека, что приводит к неумению противостоять давлению. Тревожные, мнительные, с высоким уровнем страха перед отвержением и физическим насилием;

2) мотивация: мотивация избегания неудачи. Участие в деятельности «АУЕ» является для них вынужденной мерой, способом избежать травли, шантажа, физической расправы со стороны вербовщиков. Они могут внутренне не разделять ценности группы, но вынуждены подчиняться из-за страха;

3) роль в структуре: исполнители на периферии группы. Могут перечислять небольшие суммы в «общак», хранить символику, предоставлять свою квартиру для встреч. Часто становятся «козлами отпущения»;

4) криминально-психологические черты: тревожность, пассивность, низкая стрессоустойчивость, склонность к виктимному поведению.

В практике Засвияжского районного суда г. Ульяновска было уголовное дело, где несовершеннолетний С., 2007 г. р., из внешне благополучной семьи, был признан потерпевшим и обвиняемым одновременно. Он переводил небольшие суммы «общака» после угроз расправы. В суде было установлено, что он страдал от тревожного расстройства, не мог противостоять шантажу и участвовал в деятельности группы исключительно из-за страха³.

Следует отметить, что предложенная типология не является окончательной. В реально-

¹ Уголовное дело № 1-115/2023. Приговор от 25 июля 2023 г. // Архив Усть-Вымского районного суда Республики Коми.

² Уголовное дело № 1-24/2023. Приговор от 1 июля 2023 г. // Архив Кировского районного суда г. Иркутска.

³ Уголовное дело № 1-297/2022. Приговор от 22 июля 2022 г. // Архив Засвияжского районного суда г. Ульяновска.

сти возможны смешанные типы и переходы из одной категории в другую под влиянием обстоятельств.

Представляется, что внедрение дифференцированного подхода, основанного на предложенной типологии, в деятельность воспитательных и психологических служб исправительных учреждений, а также в программы общественной профилактики позволит повысить эффективность борьбы с распространением идеологии «АУЕ» и ресоциализации лиц, вовлеченных в ее деятельность.

Совместная деятельность гражданского общества и правоохранительных органов в части профилактики распространения разрушительных идей среди молодежи, социальное, культурное и патриотическое воспитание способны в значительной степени оградить молодое поколение от влияния идей экстремизма в целом и движения «АУЕ» в частности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдульманов А. А., Деулин Д. В., Коноплин А. Б. Социально-психологические и правовые аспекты деятельности участников международного экстремистского движения «Арестантское уголовное единство (А.У.Е.)» // Российский следователь. 2022. № 8. С. 49–55.
2. Агапов П. В., Кондратюк С. В. Типичный способ приобретения статусного лидерства в преступном движении АУЕ // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. М. : Акад. управления МВД России, 2023. С. 211–221.
3. Гараев Р. Н. Слово пацана. Криминальный Татарстан 1970–2010-х. М. : Индивидуум Принт, 2021. 622 с.
4. Казак И. Б. Функции оперативно-розыскного обеспечения уголовного преследования в отношении организаторов и участников экстремистских организаций, основанных на криминальной идеологии // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2024. № 1(19). С. 7–11.
5. Кондратюк С. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: конкретизация конструктивных признаков // Законность. 2021. № 8 (1042). С. 49–53.
6. Рядчикова Е. Н., Белан Е. А. Выявление признаков экстремистской организации «АУЕ»: лингвокриминалогические и социально-психологические аспекты // Теория и практика судебной экспертизы. 2023. Т. 18, № 2. С. 68–77.
7. Серегина Е. В., Ярошенко А. П. Вопросы формирования личности преступника и типичные признаки современного преступника // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 9 (148). С. 112–117.
8. Сундиев И. Ю. Эволюция вербовочных технологий в цифровую эпоху // Научный портал МВД России. 2018. № 1(41). С. 67–76.

REFERENCES

1. Abdulmanov A.A., Deulin D.V., Konoplin A.B. Social-psychological and legal aspects of activities of participants in the international extremist movement "Arrestant's criminal unity (A.U.E.)" // Russian Investigator. 2022. No. 8. Pp. 49–55.

уголовное единство (А.У.Е.)" [Socio-psychological and legal aspects of the activities of participants in the international extremist movement "Arrestant's criminal unity (A.U.E.)"]. *Rossiiskij sledovatel* [Russian investigator], 2022, no. 8, pp. 49–55. (in Russian)

2. Agapov P.V., Kondratyuk S.V. Tipichnyj sposob priobreteniya statusnogo liderstva v prestupnom dvizhenii AUE [A typical way to acquire status leadership in the AUE criminal movement]. *Gosudarstvennaya nauchno-tehnicheskaya politika v sfere kriminalisticheskogo obespecheniya pravoohranitelnoj deyatel'nosti* [State scientific and technical policy in the field of criminalistic law enforcement]. Collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2023, pp. 211–221. (in Russian)

3. Garaev R.N. Slovo pacana. Kriminalnyj Tatarstan. 1970–2010h [The word of the kid. Criminal Tatarstan. 1970–2010s]. Moscow, Individual Print Publ., 2021, 622 p. (in Russian)

4. Kazak I.B. Funkcii operativno-rozysknogo obespecheniya ugovnogo presledovaniya v otnoshenii organizatorov i uchastnikov ekstremistskikh organizacij, osnovannykh na kriminal'noj ideologii [The functions of operational investigative support for criminal prosecution against organizers and participants of extremist organizations based on criminal ideology]. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikacii rabotnikov FSIN Rossii* [Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia], 2024, № 1(19), pp. 7–11. (in Russian)

5. Kondratyuk S.V. Zanyatie vysshego polozheniya v prestupnoj ierarhii: konkretizatsiya konstruktivnykh priznakov [Occupying the highest position in the criminal hierarchy: concretization of constructive features]. *Zakonnost* [Legality], 2021, no. 8 (1042), pp. 49–53. (in Russian)

6. Ryadchikova E.N., Belan E.A. Vyyavlenie priznakov ekstremistskoj organizacii "AUE": lingvokriminologicheskie i socialno-psihologicheskie aspekty [Identification of signs of the extremist organization "AUE": linguistic, criminological and socio-psychological aspects]. *Teoriya i praktika sudebnoj ekspertizy* [Theory and practice of forensic examination], 2023, vol. 18, no. 2, pp. 68–77. (in Russian)

7. SerEGINA E.V., YAROSHENKO A.P. Voprosy formirovaniya lichnosti prestupnika i tipichnye priznaki sovremennogo prestupnika [Issues of criminal personality formation and typical signs of a modern criminal]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie* [Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management], 2022, no. 9 (148), pp. 112–117. (in Russian)

8. Sundiev I.Y. Evolyuciya verbovochnykh tekhnologij v cifrovuyu epohu [The evolution of recruitment technologies in the digital age]. *Nauchnyj portal MVD Rossii* [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1(41), pp. 67–76. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 16.03.2026; одобрена после рецензирования 13.06.2026; принята к публикации 13.08.2026

Received on 16.03.2026; approved on 13.06.2026; accepted for publication on 13.08.2026

Кузнецов Феликс Андреевич – аспирант, Институт юстиции, Байкальский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11), ORCID: 0009-0004-9351-1578, PIIH Author ID: 1336542, e-mail: fietfel@yandex.ru

Kuznetsov Felix Andreevich – Postgraduate Student, Institute of Justice, Baikal State University (11, Lenin st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0009-0004-9351-1578, RSCI Author ID: 1336542, e-mail: fietfel@yandex.ru